

³² The Invention of Tradition. P. 10.

³³ Hobsbawm E. Nations ... P. 46.

³⁴ Kohn H. The Idea of Nationalism. 2nd ed. N. Y., 1967; Kedourie E. Op. cit.; Seton-Watson H. Nations and States. L., 1977. Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982; Smith A. Op. cit.

³⁵ Hobsbawm E. Nations ... P. 47.

³⁶ Ibid. P. 165.

³⁷ Ibid. P. 177.

«Imagined», «Invented» and «Constructed» Nations: Metaphor in Scholarly Debates

The author critically analyses the output of three prominent theoreticians on the subject of nationalism (E. Gellner, B. Anderson, E. Hobsbawm) and demonstrates that while these authors share a belief that the nation is a social construct, their perespective views on the process of national formation diverge as they dwell on different aspects of a social system, notably structure, culture and action, and concludes that the nature of scholarly debate on the subject of nation, nationalism and national formation is principally governed by residual metaphors and images integral to the debate.

V. V. Koroteeva

© 1993 г., ЭО, № 3

Г. С. Котанджян. Этнополитология консенсуса — конфликта. Цивилизационные проблемы теории и практики. М., 1992. 213 с.; его же. Введение в этнополитологию консенсуса — конфликта: теоретико-методологические проблемы цивилизационного анализа. М., 1992. 110 с.; его же. Грани «согласия — конфликта». Цивилизационные проблемы теоретической и прикладной политологии. М., 1992. 184 с.

Серия содержательных публикаций Г. С. Котанджяна, без сомнения, привлечет к себе внимание представителей различных областей гуманитарного знания. Проработав в одной из первых групп политических советников в зоне спитакского землетрясения и в «горячих точках» СССР — стран СНГ, автор сумел обобщить свой опыт с теоретико-методологической точки зрения, используя новейшие подходы и достижения отечественной и мировой науки.

Тексты рецензируемых книг перекликаются друг с другом и суммируются в основной монографии «Этнополитология консенсуса-конфликта», однако каждая из них имеет и собственное значение. Работа «Введение в этнополитологию консенсуса-конфликта» обладает более понятийным, теоретическим характером и может быть использована в качестве учебного пособия. Помимо прочего, в ней есть методическая глава, посвященная полевому консенсусному эксперименту в условиях «священной войны "джихад"», и документальные приложения. Так автор счел необходимым откликнуться на сложные, неоднозначные события, происшедшие в Афганистане с ранней весны 1992 г. «Грани "согласия-конфликта"» более публицистичны.

Исследование выполнено «на стыке» политологии как науки о государственной функции власти, социальной психологии и теоретической этнографии, т. е. (в современных терминах) этнологии. Работы Г. С. Котанджяна можно обоснованно отнести к сфере конфликтологии или складывающейся сейчас комплексной дисциплины, изучающей социальную природу «войны» и «мира» в жизни человечества. А последняя отрасль, как известно, имеет и очевидную этнографическую составляющую.

Излишне говорить об актуальности такого рода разработок в наше беспокойное время, особенно если они ведутся на основе фактического материала и богатого практического опыта. Широга кругозора, непредвзятость и нестандартность суждений необходимы и полезны здесь в высшей степени. Публикации Г. С. Котанджяна, при всей дискуссионности многих положений, отвечают в этом отношении высоким научным и нравственным требованиям.

Думается, что труды автора могут способствовать начавшемуся процессу переосмысления места, роли и задач теоретической этнографии, развивавшейся ранее исключительно в рамках формационного подхода. Это имело свои основания, и на данном пути в самые «застойные» годы были достигнуты немалые результаты, делались попытки предотвратить надвигающийся кризис в национальной сфере. Однако многообразие продуктивных методов исследования требует сочетания формационного подхода с более широким — цивилизационным. Интересную попытку такого сочетания автор предпринимает в своих работах.

Г. С. Котанджян следует методологии известного историка западно-европейских стран М. А. Барга¹. При этом он хорошо знает и активно использует труды востоковеда Н. И. Конрада, этнографов С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромлея, Л. М. Дробижевой и др., исходивших из общекультурных, цивилизационных начал в развитии человеческих сообществ.

Рассматривая вслед за М. А. Баргом соотношение категорий «цивилизация» и «формация», автор выделяет в общественной системе этногенный, или антропогенный (собственно цивилизационный) и социогенный (формационный) компоненты, или субстраты. В рецензируемых работах высказано мнение, что категория «формация» выражает момент сменности, перерыва в постепенности, скачков, каковыми и являются классовые конфликты и социальные революции. Категория «цивилизация» же отражает преемственность и последовательность, т. е. эволюцию и сохранение непреходящих ценностей.

И в основной концепции Г. С. Котанджяна конфликтность в истории общества регулируется именно формационными, т. е. социально-классовыми закономерностями, а консенсусность, способность к согласию и примирению — цивилизационными, этноантропогенными. «Объективный социогенный субстрат, — указывает автор, — определяется ... как конфликтный по своей сути, поскольку им обусловлено основное социальное противоречие. Субъективному этногенному субстрату, который определяется элементами культурной идентификации, служит своего рода „кодовой сферой“ цивилизации, принадлежит функциональная роль согласия (консенсуса), механизма преодоления разлада в обществе («Введение в этнополитологию консенсуса-конflikта...» С. 44).

Сказанное хорошо согласуется с принципами приоритета общечеловеческих ценностей над социально-классовыми и прав личности над институтами власти, включая национально-государственные.

Г. С. Котанджян изучил и фактически ввел в научный оборот большое количество работ авторов (США, Великобритания, ЮАР — политологов, антропологов, социологов), исследовавших этнический фактор в политике. Проведен историографический обзор их трудов 1960—1980-х годов, которые сгруппированы согласно подходам к вопросу. Этими авторами были введены и использовались термины «этническая политика» (М. Паренти) и «этнополитика» (Дж. Ротшильд) были разграничены «этнические группы», близкие «этносоциальным общностям» — «ЭСО» в отечественной терминологии (А. Смит, Дж. Стэк, Б. Уильямс) — и «этничность» как качество, близкое «этническим» у Ю. В. Бромлея (Дж. М. Йингер, Ч. Кейс, А. Козн, М. Нэш, Ю. Рецлер, Л. А. Деспре и др.); рассмотрены процессы «политизации этничности» (С. Энлоу, Ч. Фостер, Г. Сэтон-Уотсон), влияния на «этничность» факторов «модернизации» (противостоящей традиции) и «мобилизации» (вовлечения членов этнической группы в современную экономику и политику) — Н. Снайдер, Э. Блэк, Г. Зоннерт, Н. Венит, Э. Тирьякян и многие другие.

Иначе, нежели в отечественной научной и публицистической традиции, трактуется на Западе в связи с рассматриваемыми проблемами понятие «национализм» (Д. Котце) и «этнонационализм» (Ф. Шиллс), «сепаратизм» (К. Уильямс и др.). Здесь это реакция на неравномерность развития территорий с различным в этническом отношении населением, стремление сохранить свою сущность и особенности (П. Ван ден Берге, М. Воск, Дж. Слоусон и др.). Интересна попытка использовать отдельные положения марксистской теории о неравномерности развития капитализма для создания концепции «внутренней колонизации», предпринятая в начале 1970-х годов на примере кельтских окраин Великобритании (М. Хечтер, Т. Нэйрн).

В целом историографический обзор, сделанный Г. С. Котанджяном, носит оригинальный характер, весьма информативен и заслуживает всяческого одобрения.

Внимательно изучив имеющуюся литературу, автор вслед за М. Перенти, Р. Рокеттом, Дж. Ротшильдом и П. Ван ден Берге, рассматривает и трактует «этническую политику» («этнополитику») как форму участия этносов в политических процессах, их взаимоотношений (в первую очередь неполноправных этнических меньшинств) с государственной властью. «Этнополитология» же — это отрасль политологии, изучающая такого рода явления, где в центре внимания «политическое измерение и политико-структурное содержание этничности» («Введение в этнополитологию консенсуса-конflikта...» С. 15).

Достаточно оригинальные выводы Г. С. Котанджяна о множественности вариантов «конфликтного» или «консенсусного» развития в конкретных этносоциальных ситуациях. Так, в моноэтнических государствах состав населения, однородный по культуре, языку, традициям, служит дополнительной гарантией от социальных потрясений, в полиэтничных — конфликты между отдельными этническими общностями и с государственным центром могут тем самым усугубляться и погашаться лишь путем совместного участия всех заинтересованных сторон («Этнополитология консенсуса — конфликта...» С. 49—50).

В этом плане актуален раздел «Этнополитология трансформации СССР — СНГ», представленный в разных вариантах во всех рецензируемых публикациях. Неполный учет многообразия цивилизационных ориентаций с соответствующими идейно-духовными концепциями, иллюзия внутренней бесконфликтности за счет повышенной конфликтности во внешней сфере (эффект «осажденной крепости»), задержка и односторонность модернизационных процессов вместе с другими факторами ускорили становление полицентризма и распад ранее существовавшей державы при смене традиционных ориентиров в политике ее преемниками. Ось «Север — Юг» может оказаться намного значительнее, чем привычная антитеза «Запад — Восток».

Однако само существование СНГ является, по мысли автора, политическим и этническим консенсусом с двумя возможностями исхода — или окончательной «ливанизацией», т. е. распадом по принципу цивилизационной ориентации, или созданием нового цивилизационного пространства — в зависимости от этнополитической направленности усилий стран — участниц СНГ и их руководства.

Важным фактором в числе изменивших ситуацию и влияющих на выбор путей развития в пределах бывшего СССР автор называет этнодемографический (который, кстати, ранее породил новые реалии и в традиционном политико-конфессиональном устройстве Ливана).

Рассмотрение Г. С. Котанджяном проблем религии вызывает особый интерес, хотя это и не

главная задача исследования. Автор цитирует труд шотландского ученого Т. Нейрна, утверждавшего, что при возникновении «линий разломов» (т. е. конфликтных зон.— В. В.) по принципу этничности «глубоко укоренившиеся религиозные разграничения могли выполнять ту же функцию»².

Этот тезис находит полное подтверждение совсем в других разделах работ Г. С. Котанджяна, где говорится об исламо-христианском межцивилизационном взаимодействии. По-новому (на основе консультаций с ведущими богословами Афганистана) анализирует автор глубинные теологические концепции и практику деятелей ислама, по крайней мере в классическом, средневековом проявлении. Речь идет о фундаментальном противопоставлении «дар ал-харба», т. е. «дома» — территории войны и «дар ал-ислама», т. е. «дома» — территории ислама (возможен перевод и «дома мира».— В. В.). Расширение «дома ислама» могло осуществляться активным движением «джихад». Допустимо его истолкование (на взгляд рецензента, несколько модернизированное и политизированное) и как «священной войны с неверными». Нормы Корана в системе классического мусульманского права предписывают и превращение «дома (или территории) войны» в «дом ислама» посредством джихада» (Этнополитология консенсуса-конflikта... С. 93).

При этом помимо рассмотренного «консенсуса через завоевание» (если так можно выразиться) ислам действительно предлагает «людям Писания, Книги» (т. е. исповедующим веру в единого Бога — христианам, иудеям и некоторым другим конфессиям) «консенсус через примирение» — статус «ахл аз-зимма», т. е. «покровительствуемых», но с изначально очевидным неполноправием. И очень уместно и точно приводит Г. С. Котанджян суру Корана (9; 29) о наказании «зиммиев» в случае их «неправильного» поведения.

Крайне любопытный образец «этноконфессионального менталитета» в рядах моджахедов Афганистана («мусульманоподобный является кафиром» и т. п.) приведен в приложении «Слово о джихаде», представляющем собой расшифровку и перевод пропагандистской магнитофонной кассеты от 1982 г. («Этнополитология консенсуса-конflikта...». С. 168—172).

Полевой консенсусный эксперимент, заключавшийся в попытке склонить вооруженные группировки к сотрудничеству с центральной властью, сценарий которого разрабатывал политсоветник Г. С. Котанджян, также применялся по отношению к боевым отрядам этнической и конфессиональной общности хезарейцев, мусульман-шиитов («Этнополитология консенсуса-конflikта...». С. 157—163).

Из собственно этнографических (этнологических) или смежных сюжетов требует внимания, прежде всего, рассмотренный автором проблемы самого этноса. «Этнос нельзя назвать категорией чисто формационной,— утверждает исследователь,— так как его формирование не локализуется границами одной формации... Как элемент цивилизационной целостности этнос находится в ценностном поле морали и нравственности, связанной с реальностями как этнонациональной, так и надэтнической сфер человеческой интеграции» («Введение в этнополитологию конфликта...». С. 42).

В приведенном положении, на взгляд рецензента, правильно отмечена двойственность природы этноса и возможность рассмотрения этой категории как с формационной, так и с цивилизационной точек зрения. Изучение второй (цивилизационной) выглядит более злободневно и лучше согласуется с авторской концепцией. Однако (и думается, это будет подтверждено последующим изучением) этнос обладает собственной «формационностью», поэтапностью развития, не сводимой непременно к «пятичленной» структуре ступеней-формаций социально-экономического прогресса.

Оригинален раздел о методическом инструментарии прикладной этнополитологии («Этнополитология консенсуса-конflikта...». С. 115—126.). Приемы «включенного наблюдения», «введения в среду» изучаемой общности, неразрывность описания и анализа материала недостаточно используются политологами, зато хорошо знакомы этнографам-полевикам. Однако вызывает сомнение цитирование автором без примечаний американских систематизаторов полевой работы О. Вернера и Дж. М. Шопфла, говорящих о «золотом правиле этнографии», якобы требующем от полевого исследователя бездействия в спорной ситуации («Этнополитология консенсуса-конflikта...». С. 121). Традиции отечественной этнографии, в частности «Десять заповедей» Л. Я. Штернберга, основаны, как кажется, на иных «правилах».

Автор большое внимание уделяет изложению взглядов зарубежных ученых, но порой его собственные мнения и позиции трудноразличимы. Так, когда Г. С. Котанджян анализирует разницу в терминологическом использовании понятия «национализм» в отечественной и зарубежной литературе, он не поясняет, какого же их этих двух подходов сам он придерживается («Введение в этнополитологию консенсуса-конflikта...». С. 21—22, сл.), хотя из общего содержания рецензируемых работ однозначно вытекают принципиально-интернационалистические позиции автора.

Специалист-этнолог, читая работы Г. С. Котанджяна, с интересом ознакомится с частными, но весьма содержательными и новыми сведениями по традиционному характеру власти (в современной терминологии «потестарности») и обычному праву пуштунов Афганистана и Пакистана. В частности, представляет интерес материал о роли кодексов чести «паштунваляй», обычая «геймат-е-хун» — договорном примирении с выплатой «цены за кровь» и т. д. Работа богата и другими интереснейшими подробностями, показывающими широкую эрудицию автора и его большой практический опыт в разных сферах исследовательской и общественно-политической деятельности.

Вышедшие из печати книги удачно оформлены, написаны хорошим литературным языком, легко и с интересом читаются. Посвящение друзьям и соратникам автора — представителям многих народов нашей страны и зарубежья — полностью соответствует содержанию и выводам, гуманной направленности осуществленного им исследования.

Таким образом, перед нами любопытное, новаторское исследование, опирающееся на большую фактическую базу. В нем рассматривается, повторим, сразу несколько актуальных, животрепещущих

проблем — «конфликт и консенсус», «цивилизационный анализ», «этнополитология». Оно имеет комплексный характер и, можно сказать смело, задает новое направление в отечественной гуманитарной науке.

Небезынтересно оно и для теоретической этнологии. Перспективная отрасль, принадлежащая политологии и этнологии, как представляется, в равной мере, — этнополитология — получила теперь адекватное выражение в отечественной научной литературе.

Предмет этнополитологии Г. С. Котанджян понимает в первую очередь как процесс внутренней политизации самого этноса, вовлечение его с собственными целями и интересами в широкие события современности. В представлении же рецензента «этническая политика» («этнополитика») — это, скорее, направление деятельности государственных органов и других политических институтов по учету и использованию объективных традиционно-специфических свойств этносов, с которыми данные органы и институты имеют дело.

Тем не менее, эти два подхода не противоречат друг другу и в состоянии удачно дополнить друг друга в будущих научных изысканиях и помочь лучшему осознанию этнических и политических процессов в мире, нашей стране, ее отдельных регионах.

Отдельные замечания и отмеченные спорные моменты несколько не умаляют высокой оценки исследования, предпринятого и успешно проведенного Г. С. Котанджяном.

В. М. Викторин

Примечания

¹ См. Барг М. А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 25—40.

² См. Nairn T. The Break-up of Britain: Crisis and Neocolonialism. L., 1977. P. 16.

© 1993 г., ЭО, № 3.

E. A. Warner. Folk Theatre and Dramatic Entertainments in Russia. Cambridge, 1987. 125 P. E. A. Warner, E. S. Kustovskii. Russian Traditional Folk Song. Hull University Press, 1990. 120 P.

Русский фольклор продолжает открываться перед англоязычной читательской аудиторией своими удивительными и чарующими гранями. В этом открытии — большая заслуга английского ученого и лектора Элизабет Уорнер, ныне преподающей в Даремском университете (Великобритания). Уорнер известна европейскому и американскому читателю монографиями о русском народном театре и о героях русских сказок и былин¹, многочисленными статьями. В России были опубликованы две ее статьи в журнале «Советская этнография»: «О фольклорном происхождении некоторых эпизодов русской народной драмы „Царь Максимилиан“ и ее сходстве с народным театром Англии» (1973, № 5) и «Некоторые аспекты изучения и популяризации народной культуры в Великобритании» (1980, № 3).

Две новые книги Уорнер — о фольклорном театре в России и о русской традиционной народной песне (последняя написана в соавторстве с русским фольклористом-музыковедом Евгением Кустовским) — яркое явление в ряду современных зарубежных публикаций о нашем национальном искусстве. Автор с успехом выполнила задачу — показать и объяснить своим читателям красоту, многообразие и цельность русского фольклора, его связи с творчеством народов Западной Европы. Книги родились из курсов лекций Уорнер.

Методика подачи материала отражает синтетическую природу народного искусства: эти книги не только читают. К первой приложен набор диапозитивов, ко второй — магнитофонная пленка с записью песенных образцов. Центральная часть первой книги представляет собой развернутый научный комментарий к слайдам, второй — к фонозаписи. Обе книги представляют собой образец комплексного исследования: фольклорные тексты рассматриваются здесь в широком этнографическом контексте, в связи с повседневным бытом, обычаями, занятиями, развлечениями народа. Автора интересуют функции фольклора в жизни, его роль в духовной культуре людей прошлого и настоящего. Такой подход к изучению фольклора актуален и для российской науки последних десятилетий.

Думается, книги Э. Уорнер необходимы и полезны ее читателям в первую очередь потому, что автор свободно владеет огромным фактическим материалом (фольклорным и этнографическим), почерпнутым из множества источников. Материал частично не известен даже отечественным начинающим исследователям, не говоря о зарубежной аудитории, почти совсем не знакомой с ним. Тем самым в международный научный оборот вводится аутентичный национальный фольклор, который может быть использован в сравнительных исследованиях филологов и этнографов. Книгам свойственны полнота и систематичность, живость и наглядность изложения. Автор удачно подбирает и уместно использует примеры².